

Глядя на наивную Цзян Жугу, Нин Цзючэнь испытывала некоторую вину. Хотя она и правда относилась к ней очень хорошо, всё же без колебаний была готова её использовать. Единственное, что она могла пообещать, — это не причинять ей вреда.

То, что Цзян Жугу считала случайностью, на самом деле было неизбежностью, спланированной Нин Цзючэнь. С того самого момента, как Цзян Жугу решила подрабатывать в тихом баре, Нин Цзючэнь уже продумала всё дальнейшее. Когда подставные люди заметили, что Лун Батянь снова явился туда за развлечениями, Цзян Жугу пошла по проложенному Нин Цзючэнь пути и своими глазами увидела происходящее.

Однако, ведя за собой растерянную и глуповато стоящую в оцепенении Цзян Жугу, Нин Цзючэнь начала сомневаться, не поступила ли она неправильно. Впрочем, Нин Цзючэнь никогда ни о чём не жалела. По крайней мере, она верила, что этот случай поможет навсегда избавить Цзян Жугу от мыслей о Лун Батяне, а заодно совершенно естественным образом подобрать ей подходящую подработку.

— Я попросила кое-кого помочь тебе уволиться из бара, — просто обронила она. — Если хочешь подрабатывать, лучше по выходным занимайся репетиторством с моим дальним родственником. Он ужасно глуп, как раз тебе под силу.

Она упомянула об этом лишь вскользь. Нин Цзючэнь не стала рассказывать, как отсеивала вариант за вариантом, прежде чем окончательно выбрать подработку для Цзян Жугу.

Работа репетитором подходила лучше всего: непыльная, отнимает мало времени, а платят щедро. Этот ребёнок слишком мал, за ним не уследить; тот — слишком взрослый и непослушный; третий — слишком озорной, вдруг станет обижать Цзян Жугу; а вот тот вроде хорош, но мало ли что в голове у подростка, вдруг начнёт тайком заглядывать на неё и строить козни? В таком-то возрасте — да что он вообще понимает! Оставалось лишь признать: Нин Цзючэнь перемудрила со своими опасениями.

Спала Цзян Жугу беспокойно. Должно быть, сбылась поговорка «что на уме днём, то и во сне ночью»: Нин Цзючэнь из её сна попросту сводила с ума. Да, ошибки быть не могло, ей приснился эротический сон. Проснувшись утром, Цзян Жугу обнаружила, что промокла настолько, что следы остались даже на простыне.

Едва приняв душ и высушив волосы, она ещё не успела переодеться в пижаму и оставалась в белоснежном банном халате, перехваченном лишь поясом на талии, как услышала, что Нин Цзючэнь зовёт её к себе в комнату.

Не успела она понять, что происходит, как подошедшая Нин Цзючэнь подхватила её на руки.

— Как долго. Лучше я сама, — раздался у самого её уха голос Нин Цзючэнь, в котором вопреки обыкновению звучала вовсе не привычная прохлада, а торопливая пылкость.

Цзян Жугу всё ещё недоумевала, что сегодня стряслось с Нин Цзючэнь и почему она так несвойственно себе ведёт. Слова странные, действия ещё страннее: если только с самой Цзян Жугу что-то не случилось, Нин Цзючэнь никогда не стала бы по собственной воле подходить к ней так близко. Она не знала, не слышалось ли ей. Почему ей показалось, будто в голосе Нин Цзючэнь она уловила нотку с трудом сдерживаемой жажды? Жажда... чего же она могла жаждать? До самого того момента, пока Нин Цзючэнь не бросила Цзян Жугу на свою широкую кровать, Цзян Жугу так и не понимала, куда это сюжет завел их.

Нин Цзючэнь склонилась над ней, медленно приближаясь, и жаркое дыхание отчетливо обжигало ее лицо и шею. Ненавязчивый аромат лаванды, присущий самой Нин Цзючэнь, мягко заполнил пространство. Цзян Жугу чувствовала, как ее плотно окутывает аура Нин Цзючэнь, казалось, даже дыхание ее, как и она сама, было пропитано агрессией, дюйм за дюймом наступая на нее.

А она была бессильна сопротивляться. Ее голова, казалось, тоже кружилась, словно в затуманенной паром ванной комнате во время купания — все вокруг заволокло дымкой, стало расплывчатым и неясным.

Она примерно понимала, что может случиться, но в то же время была не уверена в этом. Неужели они так близко лишь потому, что это сон, а когда сон рассеется, каждый, как и прежде, пойдет своей дорогой и их пути четко разделятся?

Она и помыслить не смела о том, каково это — когда одни тонкие губы касаются других тонких губ. И в этот миг она отчетливо ощутила, как влажная мягкость легко легла на ее губы. А виновницей этого была не кто иной, как Нин Цзючэнь — человек, о котором она тосковала день и ночь.

Мягкость, подобная сахарной вате, с легким чистым сладковатым привкусом, словно после дождя, когда небо проясняется и в грудь вливается свежесть, принадлежащая лишь этому мгновению. Цзян Жугу не знала, как описать всю прелесть этого ощущения. Наверное, даже ее любимое блюдо Цзиньюй Маньтан не шло ни в какое сравнение с этой мириадной — нет, стомиллионной — долей.

— Открой глаза, посмотри на меня.

Слова Нин Цзючэнь словно пробудили ее. Неужели то, что было только что, — всего лишь мимолетный сон?

— Тебе не нравится?

Нин Цзючэнь посмотрела на нее с недобрый выражением:

— Даже если не нравится, придется полюбить, потому что нравится мне.

На этот раз в Нин Цзючэнь не осталось и следа прежней нежности. Она напоминала зверя, только что выпущенного из клетки, — с бесстрашной свирепостью, упрямством и неукротимым стремлением вперед новорожденного теленка, бросающего вызов тигру. И Цзян Жугу в этот момент была ее добычей. Охотник по отношению к своей добыче всегда проявляет невероятное упорство и не отступится, пока не добьется цели.

Она склонилась ниже и впилась зубами прямо в губы Цзян Жугу, и лишь почувствовав соленый привкус крови, наконец смягчила и замедлила свой натиск.

Постепенно Нин Цзючэнь перестала довольствоваться тем, что словно новичок кружит вокруг да около снаружи. Ее гибкий мягкий язык мало-помалу оглаживал каждый уголок ее губ, а затем принялся исследовать зубы, и Цзян Жугу отчетливо ощущала нежное тепло, с которым язык Нин Цзючэнь скользил по ее деснам. Мягкий язык вдруг стал настойчивым и властным, с напором бьющего в городские ворота тарана. Маленький язычок Нин Цзючэнь беспрепятственно вторгся внутрь, властно хозяйничая у нее во рту. В этом долгом сплетении обе они, такие неопытные, еще не умели правильно дышать, но все равно упорно не желали отпускать друг друга. Лишь когда воздуха почти совсем не осталось, Нин Цзючэнь была вынуждена наконец разжать губы.

У Цзян Жугу возникло ощущение, что человек сверху глубоко и беззаветно любит ее. Это была одержимость и одержимость, ни в чем не уступающая ее собственной, любовь столь же слепая и неуклонная, как и ее собственная.

Стоило им только разделиться, как они тут же вновь сплелись воедино, подобно магнитам с противоположных полюсов, чье естественное мощное притяжение способно преодолеть любые преграды внешнего мира. Глядя на покрасневшие глаза Нин Цзючэнь, в которых свирепость смешивалась с уязвимой слабостью, Цзян Жугу наконец поняла: оказывается, прижимающийся к ней человек боится точно так же, как и она сама, оказывается, ей тоже свойственна такая неуверенность.

Она легким движением развязала пояс халата, сбросив последние путы. Халат мгновенно распахнулся, обнажая самую соблазнительную картину. Словно только что откупоренная бутылка выдержанного много лет бренди — опьяняющий аромат разлился вокруг, и вино еще не успело затуманить разум, как они уже опьянели друг от друга.

Лишь настоящая любовь позволяет полностью доверить свою чистейшую суть другому человеку.

Отвечая на страстный поцелуй Нин Цзючэнь, она сплеталась с ней жаром тел, поднимала руки и обвивала шею нависшей над ней женщины, жаждая бесконечного, долгого слияния с Нин Цзючэнь.

Иногда любовь не нуждается в словах. Своими действиями она безмолвно говорила возлюбленной о переполнявшем ее самом горячем чувстве: я хочу быть с тобой, сплетаясь в объятиях.

И тогда это проявление любви стало невероятно страстным. В комнате Нин Цзючэнь они отдали друг другу тела и души, затянув совместную любовную симфонию, которая не утихала всю ночь напролет.

Нельзя не признать, что это был колоссальный по затратам сил труд. Когда Цзян Жугу проснулась, солнце уже стояло высоко. Раскрыв глаза, она сразу увидела, что Нин Цзючэнь все это время смотрит на нее. Говорят, глаза ближе всего к сердцу, и сейчас в глазах Нин Цзючэнь плескалось чистое счастье. Замерзавшая годами снежная гора растаяла, а принадлежащее Нин Цзючэнь тепло заставило Цзян Жугу чувствовать себя заблудшим путником, отдавшим этому человеку всю свою жизнь.

Нин Цзючэнь прижала ее к груди, и тепло соприкоснувшихся тел согревало их обеих.

Опустив голову, Нин Цзючэнь легко поцеловала ее в щеку — такую сладость, пожалуй, не сыскать, даже если вечно купаться в меду.

— Не жалеешь?

— Лишь бы твое сердце было подобно моему, и я никогда не предаю нашу тоску друг по другу.

Нин Цзючэнь прижимала ее к себе, слегка покачивая, а с трудом сдерживаемая улыбка придавала вечно холодному и неприступному лицу Нин Цзючэнь неожиданно глуповатый вид.

— Тогда отдай мне всю свою жизнь, привязав ее ко мне, — Нин Цзючэнь легко провела пальцем по ее изящному носу. — Договорились, на всю жизнь, ни единой секундой меньше. С того самого дня они официально стали парой. Нин Цзючэнь, начисто порвавшая с Лун Батянем, всем сердцем и всей душой баловала её, а когда она ревновала — без тени сомнений объявила об их отношениях на весь мир.

Желая не отставать от Нин Цзючэнь, она ни на мгновение не позволяла себе расслабляться. Нин Цзючэнь неотступно находилась рядом, помогая ей в учебе, а стоило ей устать — легкий поцелуй от Нин Цзючэнь тут же наполнял её неиссякаемой энергией. На той самой кровати, где они поклялись друг другу в чувствах, они каждый день сплетались в объятиях. Ей нравилось это — нравилось само ощущение того, что она рядом с Нин Цзючэнь.

Они попали в один и тот же естественно-научный класс, а затем поступили в один университет на ту же специальность. Едва окончив учебу, они вместе уехали за границу, чтобы пожениться, а их новым семейным гнездышком стала та самая маленькая квартирка напротив старшей школы. Ей нравилось это место, нравился уголок, где они связали свои жизни навеки.

Во время медового месяца они отправились на пляж, и Нин Цзючэнь лично, держа её за руку, научила её плавать. А там, когда к ней попытался подкатить какой-то незнакомец, Нин Цзючэнь в ревнивом порыве заявила на неё свои права. По возвращении домой та устроила ей такое бурное и страстное исступление, что она целых два дня не могла подняться с постели —

даже еду и питье Нин Цзючэнь приносила прямо в комнату, ложка за ложкой с заботой ухаживая за ней. Ей нравилось, безумно нравилось это властное и в то же время беззаветно преданное создание. Она преспокойно жила в роли жены председателя совета директоров Нин Цзючэнь, изредка помогая ей разрешать рабочие трудности и избавляя от тревог. Она никогда не боялась появления третьей стороны, ведь даже если кто-то и пытался соблазнить Нин Цзючэнь, эти попытки были абсолютно обречены. Нин Цзючэнь была куда безжалостнее ее и проявляла абсолютную холодность к собственным поклонникам.

У них не было детей, потому что ее собственнические чувства были слишком сильны: она хотела единолично владеть Нин Цзючэнь всю жизнь и не желала, чтобы кто-то третий вторгался в их жизнь и чувства. Нин Цзючэнь баловала ее и во всем уступала.

В этой жизни Нин Цзючэнь избаловала ее настолько, что она начала благодарить прошлые страдания. Возможно, в прошлом ей выпало перенести столько боли, что небеса решили подарить ей столь идеального человека, который так нежно лелеял, любил и баловал ее.

Так они и шли рука об руку от черных волос до седин.

Зимнее солнце ласково грело их тела, две старушки сидели на улице, и она прижималась к плечу Нин Цзючэнь.

— В следующей жизни ты снова полюбишь меня и будешь со мной, хорошо?

— Хорошо, не посрамлю нашей взаимной тоски.

Этот сон был долгим — настолько долгим, что ей казалось, будто это и есть вся их жизнь.

<http://bllate.org/book/21621/2230353>